Чурила и неверная жена

Да не во́времё пороху снегу выпала —
О же выпала пороха о Петрови дни.
Што не серой-то заюшко прорыскивал,
Не белой-то горнасталюшко проскакивал —
Проходил тут Чурила бладо Плёнкович.
Он статны́м-то статнёй в полном возрасте,
Лицо его, как белый снег,
Оци его ясна сокола,
Брови его чёрна соболя,
На ножецках обутки — сафьян сапог,
На головушке шапочка чу́рванка,
Кабы шуба на ём да всё куния,
Опоясочки его да троешёлковые,
Троешёлковые да и шёлковые,
На ручечках перчаточки серебреные.
Вот идёт-то Чурила вдоль по городу,
Идёт-то Чурила по чисту́ полю́,
Заходит Чурила в стольнёй Киев-град
Ко тому же Пермету сыну Степановичу.
Он колотитса в колечико серебреное —
Уж заперты ворота крепко-на́крепко.
Выходила Маремьяна вон на юлицу,
Отпирала ворота шире на́ пету,
Из рецей Маремьяна выговариват:
«Три года́ красно солнышко не вздыбывалось,
А вздыну́лось красно солнышко в четвёртый год.
А не белый ку́ропат нале́тывал,
Ясный сокол всё приле́тывал —
Вот пришёл-то Чурила бладой Плёнкович».
Да взела его за ручушки за белыя,
Цёловала его уста саха́рныя,
Проводила во гридню тёплу спальнюю.
Вот розделса Чурила по-домашному:
Ён Козловы сапожки под кровать кладёт,
Он кушак с рукавицками на дубовый стол,

Кабы кунью шубу весит на спицюшку,
Он ложитса спать на кроватку на тесовую,
На ту же на перину на пуховую,
Он на то же изголовье на косявщето,
Он со той же Маремьяной со Микулишной.
Тут выходит нонь девушка-чернавушка,
Из рецей эта девка выговариват:
«Ох ты ой еси, Чурило бладо Плёнкович!
Как же ты разделса по-домашному?
Я пойду, девка, во божью́ церьковь,
Я скажу Пермету́ сыну Степанову».
Говорит ле Чурило таково́ слово́:
«Уж ты ой еси, девушка-чернавушка!
Не ходи-тко ты, девушка, во божью церьковь,
Не сказывай Пермету сыну Степанову,
Я куплю тебе платье во петьсот рублей!»
На реци бы девка не сдаваетца,
Из рецей эта девка выговариват:
«Уж ты ой еси, Чурила бладо Плёнкович!
Уж как же ты розделса по-домашному?
Я пойду ле, девка, во божью́ церько́вь,
Я скажу Пермету́ сыну Степанову».
Говорит нынь Чурило таково́ слово́:
«Не ходи-тко, девушка, не сказывай,
Я куплю тебе шаль и во шесьсот рублей!»
На реци девка не сдаваетца,
Надевала на себя платье цве́тное,
Пошла эта девиця вон на юлицу.
Заходит девушка во божью́ церьковь,
Она крест кладёт по-писа́ному,
Поклон-от ведёт по-учёному,
А молитву творит полну Исусову,
Уже кланятца на все цетыре стороны,
Из рецей эта девка выговариват:
«Уж ты здраствуй, Пермята сын Степанович!
Уж ты служишь обедню воскресеньскую,
Уж цитаешь книжки Божии,
У тебе во городе не по-старому,
Ах во Кёеве-граде не по-прежному:

Заселилса конь чужой нонь в чисто́ поле,
Он ведь топцёт твою траву шёлко́вую,
Он ведь пьёт твою воду медвя́ную».
Уж на то Пермята догадаетце,
Запирал ён скорей книжки Божии,
Выходил Пермята из божье́й церкви,
Заходит на свое́ крылечушко на прекрасное,
Он колотитса в колечико серебрено,
Уж заперты ворота крепко-на́крепко.
Кабы тут-то Пермету за беду стоёт,
За великую досаду показалосе.
Ноги резвыи его да расходилися,
Могуци его плечи расшевелилися,
Руки белыя его да розмахалися,
Лицо белое его да помутилосе,
Оци ясные его помутились жё,
Ретиво́ его сердце розъерилося,
Сомешалася кровь его со пе́ченью.
Топну́л он ного́й во двери —
Уж он вышиб двери с ободверинами.
А заходит во гридню тёплую,
От хватил в руки саблю вострую,
Кабы ссек Чуриле по́ плеч голову,
Кабы бро́сил его во чисто́ поле,
Кабы тут Чурилу смерть случилася.
Говорит-то Пермята таково́ слово́:
«Уж ты ой есь, Маремьяна дочь Микулична!
Я прощу же тебя во перво́й вины».
Говорит Маремьяна таково́ слово́:
«Уж ты вор жё ты, Пермята сын Степанович!
Кабы была бы у меня в руках сабля вострая,
Я бы ссекла у тя по́ плеч голову».
А на реци Пермята не сдаваетцэ,
Из рецей-то Пермята выговариват:
«Уж ты ой еси, Маремьяна дочь Микулишна!
Я прощу тебя во перво́й вины».
Говорит Маремьяна таково́ слово́:
«Уж ты вор жё ты, Пермята сын Степанович!
Кабы была бы у меня в руках сабля вострая,

Я бы ссекла у те по́ плеч голову».
А на реци Пермята не сдаваетцэ,
Из рецей-то Пермята выговариват:
«Уж ты ой еси, Маремьяна дочь Микулишна!
Я прощу тебя во перво́й вины».
Говорит Маремьяна таково́ слово́:
«Уж ты вор Пермята сын Степанович!
Кабы было копьё бурзомецкое,
Я сколола бы тебя, вора Степанова».
(*Как ещё его ругат*!)
А на реци Пермята не сдаваетца,
Из рецей-то Пермята выговариват:
«Уж ты ой еси, Маремьяна дочь Микулишна!
Я прощу-то тебя во перво́й вины».
Говорит Маремьяна таково́ слово́:
«Да куда полетел блад ясён сокол,
Да туда же лети́ ле́бедь белая».
(*Вот какую грубость сказала*!)
Кабы то Пермяте за беду́ встаёт,
За великую досаду показалосе.
Ссек у Маремьяны по́ плеч голову,
Броси́л Маремьяну во чисто́ поле,
Кабы тут Маремьяне смерть случилася.
Он взял эту девушку за себя взаму́ж.

(Зап. Астаховой А. М.: 23 июля 1929 г., д. Великая Виска, Ненецкий нац. округ — от Дитятевой Прасковьи Ивановны, 69 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.